

БЛИЗКИЕ КОНТАКТЫ

**Петр
ТОДОРОВСКИЙ:**

НЕТ БЫ СИДЕТЬ У РЕЧКИ, ПТИЧЕК СЛУШАТЬ...

Марина НЕВЗОРОВА

— Мы начали снимать «Созвездие Быка» прошлой зимой в Саратовской губернии. История эта во многом автобиографическая. Я пацаном прожил три года в деревне и работал в колхозе. И сеял. И пахал. И мешки с пшеницей таскал на ветряную мельницу. Так вот, на съемках мучились мы жутко. Снега не было совершенно. Мы и вату клали, и глину, ничего не помогало. Пришлось остановиться. А у меня лежал сценарий «Жизнь забавами полна». И летом мы этот фильм сняли! Сейчас под Москвой продолжаем работу над «Созвездием». Со снегом в этом году повезло, но с быками мучаемся ужасно. Оказалось, они не поддаются дрессировке. Никакой! Надо идти — стоят. Надо стоять — идут.

— Труден режиссерский хлеб?

— Мы как саперы работаем. Ошибся — все, значит, плохой эпизод. И всегда в спешке. Это в Америке режиссеры переснимают по сто раз. У Вуди Аллена процесс пересъемки занимает почти столько же времени, сколько сами съемки. А Чаплин вообще звал людей с улицы, и если они мало смеялись, он просто сжигал негатив и больше о нем не вспоминал. Но Чаплин истратил сто пятьдесят тысяч метров пленки на «Огни большого города», а мне дают десять тысяч. Так что ничего сжечь я не могу. И каждая пауза в съемках на три-четыре дня для меня — почти катастрофа.

— Петр Ефимович, извините, но мне не очень понятно, какими забавами может быть полна жизнь в коммуналке?

— О, если вы не жили в коммуналке, вам это трудно объяснить. Я с 41-го по 62-й год жил у чужих людей, в казармах, общежитиях, снимал углы. Я мог бы на этом материале снять еще 25 картин. И потом, это же до сих пор часть нашей жизни, хотя когда на фестивале жюри обсуждало фильм «Барак», один чиновник сказал: «Это издевательство. Этого в нашей жизни нет. Это пасквиль на нашу действительность».

— Да только в Москве двести тысяч коммуналок...

— Ну вот видите. А тогда я ему предложил выехать, например, в Курскую область. Тогда, может, он поймет, что не все еще у нас живут в домах, где один квадратный метр стоит пять тысяч долларов. Конечно, очень заманчиво сказать, что я хотел рассмотреть срез нашего общества, но вообще-то фильм о трех женщинах, о поиске счастья в жизни. Эта история, я надеюсь, тянет на трагикомедию.

— Все ваши фильмы, особенно «военные», хоть и печальны, но светлы.

— У меня есть фотография, на которой мой друг уже после войны мне написал: «Тодоровскому Пете на память о пережитых страхах». И я даже написал сценарий с таким названием про то, как на фронте погибла целая семья не от фашистов, а от нашего вертухая. Но снимать этот фильм мне не захотелось, так сценарий

и лежит. Почему-то спустя много лет всплывают светлые воспоминания. Как нас вели на передовой девушки-санитарки. И потом, какая разница, война — не война. Я говорил и буду говорить, что есть непреходящие понятия: любовь, доброта, верность, дружба, мужество, трусость. Но если мои первые картины действительно были светлые и добрые, то постепенно свет не то чтобы мерк, но как-то приухал. Все-таки «Анкор...» и «Какая чудная игра» заканчиваются довольно трагично. Да и не смог бы я сейчас снять такую трогательную картину, как «Военно-полевой роман». Жизнь изменилась, и я вместе с ней. Это в молодости легко быть счастливым, а в пожилом возрасте уже затруднительно.

— Для режиссеров вашего поколения перестройка обернулась суровым испытанием, молодежь решила всех немедленно списать в обоз. Вы, пожалуй, один из немногих, кто не растерялся.

— Это по своей глупости (смеется). Я просто люблю кино, люблю снимать. Я не буду сидеть и ждаль, когда появится гениальный сценарий. Мне понравилась какая-то история, она мне по душе — я начинаю работать. Конечно, в наше время снимать трудно, да, в общем-то, и всегда было трудно, но зато если на монтаже видишь, что складывается картина, которую ты себе придумал, это пол-

Впервые в жизни режиссер Петр Тодоровский работает сразу над двумя фильмами — «Жизнь забавами полна» и «Созвездие Быка». Причем если «Жизнь...» Петр Ефимович снял за 36 (!) дней, то с «Созвездием» возникло много непредвиденных осложнений.

ше живу, тем больше понимаю, как это...

— ...Непросто. И быют свои же! Я думаю, что если сейчас, дай бог, мне удастся закончить обе картины, то такая махра пойдет! Но надеюсь, мой продюсер меня поддержит.

— По счастливому стечению обстоятельств, она же ваша жена, ваша крепость уже 40 лет.

— А как бы я мог снимать иначе? Да еще две картины? Да еще в 76 лет?

— И все-таки, как удавалось переживать и зависть, и «мелкие злодейства»?

— В этом смысле мне родители дали счастливый характер. Я действительно всегда был легкий, веселый, беззаботный. Несмотря на сложности, которые меня сопровождали. Меня из ВГИКа после первого курса хотели отчислить за профнепригодность с операторского факультета. Потом хотели снять с картины «Жажда», где я был оператором. Над «Фокусником» так издевались! На еще не законченный фильм написали две докладные, и началось избивание младенцев. Картину резали, правила без меня. После премьеры вызвали в ЦК: не понравился Зиновий Гердт в главной роли. Недопустимо было, чтобы представитель наименьшинства учил жить большинство. Но это не влияло кардинальным образом на оптимистический фундамент, на котором я стою. Когда я привез в Москву «Военно-полевой роман» и показал его в Госкино, меня пригласили на обсуждение. Я понял, что вот оно, начинается. На следующий день, когда я явился, мне вручили список из 19 поправок. Первая была самая интересная: «Убрать все коммуналки!» Тогда я сказал: «Дальше читать не буду, потому что надо всю картину переснимать». Но в стране уже запахло перестройкой, и фильм все-таки вышел.

— А что для вас самое главное в жизни?

— В жизни? Это Мира. Сын Валера. Внуки Катя и Петя. И кино. И гитара.

— Гитара?

— Режиссеры ведь по-разному все придумывают. В Одессе я любил ходить по городу. Там ведь очень красиво. Гуляешь, гуляешь, и вдруг возникает какое-то решение сцены. А гитара мне очень помогает. Я писал «Военно-полевой роман», писал, писал и остановился. Ну не знал, как дальше будут развиваться события! Так сценарий и лежал месяц. А однажды, когда я бренькал

на гитаре, неожиданно пришла мысль, что раз Андрейченко снимает комнату у матросика, может, ей пойти в райсполком? А там уже пошли какие-то флюиды с Проскуриным.

— В такие моменты, когда не знаешь, как дальше писать, не возникает уныние, неуверенность, депрессия?

— Раньше я никогда не знал, что такое депрессия. В последние годы часто бывает плохое настроение. Непонятно отчего. Может, от того, что я все время немножко недоволен тем, что делаю. Кроме того, я всегда сам себя загоняю в тяжелые условия. У меня из десяти картин семь — зимние. Коллеги на меня всегда смотрели как на идиота. Есть же люди, которые снимают летом, на берегу Черного моря. А я все зимой, в мороз и пургу. Идиотизм какой-то! Хотя, кто знает, может, все не так просто... Я всегда рассказываю такую историю. Я был в Марокко, в городе Фесс. Это даже не город, а потрясающий лабиринт. Один американец решил один туда войти — так он две недели выбирался. Нас завели в медресе. Там стоял какой-то допотопный глобус. Я его крутанул, и выпала территория Советского Союза. И что там было написано, как вы думаете? Не СССР и не Россия, а через всю территорию шло: «Сибирь!» Без мягкого знака. После этого я и стал снимать зимние картины. Шутка, конечно, но в ней есть и доля правды.

— Я в Интернете с грустью прочитала, что Петр Тодоровский решил закончить свою кинематографическую карьеру.

— Я так не говорил. Я сказал, что в мои годы загадывать трудно, хотя мечтаю снять еще одну картину — про голубей, которые живут в Большом театре. Они слушают каждый вечер Чайковского, Верди. Это, конечно, человеческая история. И поехать в Одессу осенью. Тепло. Овощи, фрукты. Это просто душевный отдых будет. А то только с возрастом начинаешь понимать, что ты проиграл очень много. Нет бы сидеть у речки, птичек слушать...

«У него есть Мира»

ный кайф. И я не боюсь, что мой следующий фильм окажется хуже предыдущего. А то некоторые режиссеры от страха, что опростоволосятся, уже по 10 лет ничего не снимают. И потом, как определить, что лучше, что хуже? Одни считают, что моя вершина — «Военно-полевой роман». Другие говорят, что «Анкор» значительно выше». А я люблю «Фокусника», «Верность». Это моя жизнь. Это моя юность. Я наслаждался картиной «Любимая женщина механика Гаврилова». Ну не могут же все быть гениями, кто-то же должен просто снимать кино.

— Я как раз хотела вас об этом спросить, потому что чем дол-

В разговор вступает Мира Григорьевна Тодоровская:

— Обычно режиссеры сами выбивают для себя деньги, а Петр Ефимович никуда не пойдет, хоть ты его убей. Если вы в приемной нашего министра увидите на ковре проплешины, то знайте: это я их протерла своим животом. Столько раз пришлось ползать к министру, чтобы закончить картину! А вообще-то Петр Ефимович — счастливый человек, потому что...

— У него есть Мира (смеется).

— То есть в отчаяние вы не впадали никогда?

— Н-е-т. Отскакивало, как от батуа.